

Артистка-воин

В военкомате озабоченный человек сердито оглядел крупную фигурку девушки, золотистые локоны и, с усмешкой задержавшись взглядом на подкрашенных губах, резко спросил:

— Что же вы намерены делать на фронте? Рекомендую вернуться в театр.

Соня Аверичева быстро вышла из кабинета. Через несколько дней она опять вернулась сюда. Ходила в другие военкоматы, написала в Москву. Прекратила хлопоты только тогда, когда ей сказали:

— До театра вы были шофером? Вспомните свои былые знания, тогда приходите.

... День этот запомнился так ярко, что память зафиксировала все: как секретарь партийной организации поздравлял ее, взволнованную, радостную, с вступлением в кандидаты партии, как затем его позвали к телефону и, вернувшись, он с ласковой укоризной спросил:

— Вы ничего не скрыли от нас?

— Нет.

— Вот я и уличил вас. Сейчас звонил из военкомата. Просили сообщить, что ваша просьба удовлетворена. Предложили завтра явиться с вещами.

Опрокинув мешавший стул, Соня бросилась к дверям и уже на ходу бросила:

— Не говорила... боялась, вдруг не возьмут.

ТАК НАЧАЛАСЬ ФРОНТОВАЯ ЖИЗНЬ

Отдальная моторавтостроительная, в которую получила назначение Аверичева, стояла в Прочищенском районе, Смоленской области. Сейчас здесь было тихо. Старшина, хитровато прищурившись на нового бойца, пряча улыбку в ладони, сокрушенно гмыкнул:

— Говоришь, мотоцикл требуется? Оно верно, раз моторавтостроительная — не пешком же ходить. Только машину придется самой добыть.

— Есть добыть мотоцикл, — с готовностью повторила Соня и только у выхо-

да, услышав за спиной дружный хохоток, поняла, что над ней беззлобно пошутили.

Все было не так, как представляла себе девушка. Вспомнился Ярославль, антифашистский митинг молодежи. Зал был заполнен доотказа. Серьезные, сосредоточенные лица. Если бы никто не поднялся в тот день на трибуну, можно было безошибочно по глазам прочесть мысли каждого. Отступило, ушло все личное. Душою участники митинга были там, где шли бой, и рвались туда.

— Я — актриса. Как и весь коллектив театра, яшла свое место в общенародной борьбе, — Соня не узнала своего голоса — так глухо, едва слышно прозвучали первые слова речи.

— Особое время сейчас, оно требует напряжения всех сил, расцвета всех способностей...

Она говорила от имени своих товарищей, друзей.

— Нас вырастила и взлелеяла советская страна. Нас воспитали мудрые вожди человечества Ленин и Сталин. Всем, что у нас есть, мы обязаны матери-Родине, и потому нет такой жертвы, которую не принесли бы мы для ее блага. — Соня чувствовала взволнованную тишину зала и, все более и более волнуясь, продолжала. — Все силы разума отдадим тебе, Родина. Жизни свои молодые отдадим, но не позволим зверям топтать твою грудь, надругаться над твоей честью. Не быть Гитлеру хозяином на нашей земле, не быть советской молодежи рабами!

Тогда ей казалось: месяц — другой, и, как страшный сон, минет война.

И вот... отступления, отступления. Временами Соне хотелось по-бабьи, навзрыд выплакать всю боль, сконившуюся в сердце, минутами находило отчаяние: что же будет! Но когда при ней пожилой разведчик с уныло повисшими усами тоскливо обронил: «Эх, пропадем мы!», Соня зло огрызнулась: «Баба ты, а не солдат».

Узнав, что группа разведчиков во главе

с командиром роты Докуниным направляется на задание, Соня пошла к нему. Выслушав ее просьбу, Докунин поднял голову. В упор на него из-под упрямого лба смотрели сосредоточенные, серьезные глаза девушки. Неожиданно для Соны, вдруг сказал:

— Приготовьтесь. Пойдемте с нами.

В полной тишине попластуноски подползли к деревне, занятой немцами. Ближе от себя Соня услышала шепот Докунина: «Боисься?» И так же тихо ответила: «Да». «Ползи обратно», — откликнулся он. «Я боюсь, как бы не струсить», — чистосердечно призналась девушка. Она старалась делать все, что делал командир. Вот он поднялся и бросился вперед. Соня бежала рядом. Раздался выстрел, крики. Девушка остановилась и с каким-то странным удивлением смотрела на двух выбежавших из-за дома фрицев. «Стреляй!» — услышала она иступленный крик командира, машинально вскинул автомат и начала стрелять. Все дальнейшее запомнилось смутно. Она бежала рядом с Докуниным, стреляла...

Когда закончился бой и разведчики вернулись, Докунин мимоходом обронил:

— Твое счастье. Выдержала испытание. Двух фрицев ухлопала. А я было собирался в телефонистки тебя отправить.

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

«Что же написать им в ответ? Они думают, я невесть какие героические дела совершаю, просят описать хоть один боевой эпизод. Но все так обыденно...». Соня, склоняясь над листком бумаги, неровным, полудетским почерком вывела: «Дорогие мои товарищи!» Жаж в руке карандаша, она пыталась вспомнить наиболее яркое из недавнего. Но на память приходили какие-то отрывочные сценки, эпизоды, понятные и дорогие только ей. «Может быть, рассказать, как взяли недавно в плен 5 немцев и двух полицаев?».

Покусывая по детской привычке кон-

чик карандаша, девушка задумалась. Нет, не об этом надо писать. Хорошо бы рассказать о замечательных друзьях, которые окружают ее, о том, какие чистые, светлые сердца у них. Рассказать, как смертельно раненный Рома Перфильев, когда его унесли с поля боя, кричал: «Бейте немецких гадов, бейте фрицев», как, возвращаясь после выполнения опасного задания, бойцы с потеплевшими глазами просили ее: «Почитай шамаханскую царницу», и Соня, укрывшись пятнастой плащ-палаткой, лукаво выглядывала оттуда, как из-под шатра, и читала...

...Вдруг шатер

Распахнулся... и девпца,

Шамаханская царница,

Вся сияя как заря,

Тихо встретила царя.

...Нет, всего не перескажешь. Вернусь, вот тогда все вспомню. Карандаш быстро забегал по бумаге:

«Долго я ждала от вас писем. Откровенно говоря, скверный червячок подтачивал сердце, расстраивал меня, портил настроение. Думала, вы забыли меня. Сегодня я получила ваше письмо как нельзя кстати. Ваша вера в меня обязывает сделать гораздо больше того, что я сделала. Когда бывает очень тяжело, вспоминаю напутственные слова нашего секретаря райкома партии: «Быть членом партии — очень нелегкое дело. Трудно придется, — не забывайте о своем высоком звании коммуниста, не забывайте о Зое Космодемьянской». Вы ждете меня обратно в свою семью. Ждите! Прпеду обязательно. Бой идут жестокие. Но надеюсь, что скоро конец. Ну, а если не вернусь, помните, что душой я была всегда с вами и звание советской артистки не опозорила. Завинтите за краткость. Спенгу. Целую. Соня».

На конверте старательно вывела: «Ярославль, театр имени Волкова».

ПЕРВЫЙ ОРДЕН

С едва сдерживаемым волнением девушка говорила командиру:

— Мне надоело это гнусное существо ванье. Я парторг, должна пример во всем показывать. А меня почему-то после ра-

нения оберегают, как большую. Вчера ребята ушли в разведку, меня опять не взяли.

Командир с улыбкой смотрел на гневное лицо девушки и примирительно сказал:

— Не кипятись! Сегодня посылаем только двух. Дойдет и до тебя очередь.

Перед отходом разведчики тщательно разрабатывали план действия.

— Разрешил? — одновременно спросили они подошедшую девушку. Соня, глядя куда-то в сторону, молча кивнула головой и подседа к товарищам. Предстояла исключительно трудная задача. Надо было пройти минированный участок, незаметно прокрасться в расположение врага, пастороженно оцетинившегося, и без шума похитить одного из фрицев. Пошли на задание «бывалые» разведчики, старшему из которых было не более 25 лет. Все прошло наредкость удачно: разминировали участок, неслышно прорвали три линии проволочного ограждения и с колючей ловкостью захватили двух зазевавшихся фрицев, не успевших раскрыть рты. Один из них оказался ефрейтором, второй оберфрейтором. На допросе оба охотно давали показания. Сведения были чрезвычайно ценными. Проведенная разведчиками операция была признана одной из наиболее удачных не только по результатам, но и по самой подготовке и проведению ее. После рапорта старшего группы Соны вызвали к командиру. Она вошла в землянку и в смущении замерла у порога.

— Почему вы нарушили мое распоряжение и ушли на задание?

Соня, вытянувшись, смотрела в темный угол и молчала.

— Пять суток гауптвахты за нарушение приказа.

— Есть пять суток гауптвахты. Разрешите идти?

Услышала окрик:

— Стой! За отличное выполнение задания представляю к ордену Боевого Красного Знамени... Что ж молчишь? Не рата?

— Служу Советскому Союзу. — Эти слова прозвучали торжественно и строго, как клятва.

— Посдете нашими делегатами на конференцию дивизионной разведки. Там уж прослышали про ваши дела. Расскажите подробно об операции. Ну... а про гауптвахту помалкивай.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кончилась война. Соня ехала домой. Трудно было разобраться, что творилось в сердце. Будто крылья выросли за спиной. Хотелось беспричинно смеяться, дурить, а через минуту с тоской смотрела на убегавшие назад поля, леса. Все дальше, дальше от боевых товарищей. Увижу ли когда-нибудь хоть одного? Мечтали вернуться обратно вместе с Валой Лавровой. Вспомнилось, как убежденно, крепко сжимал локоть подруги, говорила она: «Тяжко сейчас. Я плохо разбираюсь в боевой обстановке, но знаю, Соношка, скоро, скоро все изменится, мы пойдем вперед. Победа! Вернемся в Ярославль. Так в полном обмундировании явлюсь в пединститут, засяду опять за лекции».

А потом... Разве забудешь это! Раненая попала Валя в плен. Ее мучили, пытали, она молчала. Осатаневшие немцы вырвали полуживую на бруствер п, тщательно укрывшись, стреляли... в глаза, уши, растягивая ее муки. Соня поклялась отомстить за подругу. Она мстила, но слишком малой расплатой казалась ей смерть каждого убитого фашиста...

Первый день встречи прошел как в тумане. Урвав минуту, выскользнула на улицу, Побережная. Здесь знаком каждый уголок. Под белыми шапками липы казались особенно большими. Беседа... дальше, дальше. Стрелка, а там пустырь. Но что это? От Стрелки шла асфальтированная ровная дорожка, обсаженная молодыми деревьями. Соня вспомнила: новая набережная, ее готовили ярославцы в подарок воинам-победителям. Сколько нового старом Ярославле! Вот прошла группа студентов, говорят о клинике, о лекциях. Друзья писали, что в городе открылась три новых института...

Медленно возвращалась к театру по заснеженному бульвару. Хотото!

В. ЕЛИСЕЕВА.